

VII 13
2

ЧТЕНИЕ

ДЛЯ

802-17
1967

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ. -6

№№ 13, 14, 15 и 16. -24

Съ приложеніемъ четырнадцати рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Штурмъ аула Китури, при которомъ смертельно раненъ
генераль Вревскій.
(20 августа 1858 г.)

началъ посылать банникъ въ дуло съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ бы помеломъ изъ печи золу выметалъ.

Этотъ примѣръ свидѣтельствуешь какъ о безстрашии пластуновъ, такъ и о способности ихъ усвоить быстро новое незнакомое имъ прежде дѣло.

Терпѣливость урядника Самсона Полянского въ перенесеніи мучительныхъ страданій отъ раны штыкомъ.

Въ одной изъ неудавшихся ночныхъ вылазокъ, урядникъ 8-го баталіона Пашковской станицы, Самсонъ Полянскій, былъ раненъ штыкомъ въ животъ и взятъ въ плѣнъ. Не желая поступать въ госпиталь, тѣмъ болѣе, что госпиталь былъ непріятельскій, онъ скрывалъ свою рану, переносилъ жестокія мученія и не обнаруживая ихъ ни однимъ стономъ. Онъ принуждалъ себя стоять или ходить въ такія минуты, когда и лежать-то спокойно другому не было-бы мочи. Онъ залѣпливалъ себѣ рану, какъ самъ говоритъ, мякишемъ хлѣба, въ ущербъ своему суточному раціону, стягивалъ животъ башлыкомъ и выходилъ на столько прочно, что отбылъ шесть мѣсяцевъ крѣпостныхъ работъ въ Тулонѣ и нынѣ работаетъ на своемъ полѣ, въ юртѣ Пашковской станицы *).

*) Кровотеченія при колотыхъ ранахъ живота обыкновенно не бываетъ, да и самую рану едва отыщешь; но страданія при этомъ ужасны: животъ вздувается; при малѣйшемъ прикосновеніи и движеніи вызывается сильная боль, лицо блѣднѣетъ и принимаетъ страдальческое выраженіе.

ТРУДНОСТИ НАБѢГОВЪ ВЪ ТУРКМЕНСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(Замѣтка, хотя поздняя, но вѣрная).

Набѣгъ къ колодцамъ Таганкычъ. — Проводнику туркмену не всегда можно довѣрять. — Достиженіе отрядомъ цѣли предпріятія и обратное возвращеніе въ Чикишляръ. — Бѣдствія оставленныхъ въ пустынѣ 85 человекъ. Бѣдствіе команды въ 79 чел. находчивость рядового и спасеніе отъ гибели всей команды.

Въ 1872 г. полковникъ Маркозовъ, во время командованія на восточномъ берегу каспійскаго моря отрядомъ, сосредоточеннымъ въ укрѣпленіи Чикишляръ, получилъ неожиданно извѣстіе, что къ колодцамъ Таганкычъ, находящимся въ направленіи къ югу, прикочевали немирные туркмены со множествомъ верблюдовъ и баранты.

Вслѣдствіе этого извѣстія, немедленно были посланы въ набѣгъ, изъ чикишлярскаго отряда, — сильно нуждавшагося въ верблюдахъ для рекогносцировокъ во внутрь Туркменіи, — 250 чел. пѣхоты и 6-ть линейныхъ казаковъ, подъ командою майора 80 пѣхотнаго кабардинскаго фельдмаршала князя Барятинскаго полка Козловскаго, съ приказаніемъ, завладѣть верблюдами враждебныхъ кочевниковъ, если представится къ тому возможность.

Колона, имѣвшая при себѣ, проводника-туркмена, а подъ необходимые припасы и воду двухъ верблюдовъ, выступила на легкахъ въ 2 часа утра 27 августа. Хотя отъ Чикишляра до названныхъ колодцевъ, по увѣренію проводника было только 40 верстъ, но колонна,

сдѣлавъ въ одинъ день въ полтора раза болѣе этого, не достигла цѣли движенія, и къ вечеру того же числа должна была остановиться на отдыхъ въ неизвѣстной и безводной пустынѣ.

Бывшіе при колонѣ два верблюда не выдержали усиленнаго перехода и пали, 85 чел. нижнихъ чиновъ, отъ сильнаго утомленія по пройденному, въ тропическій зной, песчанному пути выбились изъ силъ и, при подъемѣ колонны съ вечерняго привала, были не въ состояніи идти далѣе, почему при нихъ оставлены были два офицера, прапорщики:—Жуковъ и Алфимовъ.

Какъ безсильные, такъ и сохранившіе еще силы, въ равной степени были мучимы жаждою; въ зной, доходившій въ полдень до 44 град., весь запасъ воды былъ выпить. Проводникъ, котораго начальникъ колонны спрашивалъ, скоро ли онъ приведетъ отрядъ къ колодцамъ, отвѣчалъ, что скоро; и отрядъ съ трудомъ продолжалъ двигаться по пустынѣ, но колодцы не показывались. Начальникъ колонны, майоръ Козловскій заподозрилъ проводника въ зломъ намѣреніи—уморить колону жаждою въ безводной пустынѣ, такъ какъ онъ видимо велъ ее по слишкомъ кружному пути, оправдываясь тѣмъ, что въ прямомъ направленіи существовали будто бы топкіе солончаки. Тогда начальникъ колонны, сообщивъ всю трудность положенія отряда, оставаться безъ воды въ знойной песчаной пустынѣ, призналъ необходимымъ испытать проводника, дѣйствуя на него страхомъ. Хладнокровно вынувъ изъ кобуры револьверъ и представивъ его къ проводнику, онъ грозно объявилъ: если тотъ къ разсвѣту не приведетъ къ колодцамъ, то будетъ застрѣленъ какъ собака. Плутъ туркменъ клялся, что

черезъ 6-ть часовъ времени онъ непременно приведетъ къ водѣ. Увѣренія его хотя и были приняты съ крайней осторожностью, но тѣмъ не менѣе нѣсколько ободрили упавшихъ духомъ и силами людей.

Туркмену, между тѣмъ, было приказано ѣхать рядомъ съ Козловскимъ и баталіоннымъ адъютантомъ послѣдняго, имѣвшими наготовѣ револьверы; позади ѣхалъ казакъ съ обнаженной шашкою. Вслѣдъ за ними, едва передвигая ноги, не весело двинулась съ сумерки колонна. Всѣ безсильные остались на мѣстѣ привала; изъ числа ихъ одинъ умеръ отъ солнечнаго удара.

Припугнутый туркменъ—проводникъ, въ этотъ разъ сдержалъ свою клятву; онъ привелъ колону къ колодцамъ Таганкычъ раньше назначеннаго имъ времени. Кочевниковъ у колодцевъ не оказалась, но воды, годной для питья, оказалось достаточное количество. Всѣ въ колонѣ благодарили Бога за эту благодать, возвратившую имъ силы и бодрость.

Объ участи отсталыхъ, по причинѣ совершеннаго изнуренія людей и лошадей, не было возможности тотчасъ подумать; только не ранѣе 7 часовъ утра слѣдующаго дня имъ была послана вѣсть о нахожденіи колонны у колодцевъ, въ 4-хъ часахъ ходьбы, съ приказаніемъ слѣдовать туда-же. Вѣстниками посланы были два рядовыхъ и имъ, для доставки воды жаждущимъ, даны были двѣ казачьи лошади, а для указанія пути тотъ-же самый проводникъ. Но посланные, прійдя на мѣсто вечерняго привала, крайне удивились, не найдя тамъ никого. Осмотрѣвъ тщательно мѣстность вокругъ, они увидали рукавъ солдатскаго плаща, торчавшій въ песокъ. Заключивъ изъ этого, что всѣ ихъ товарищи

ночью перебиты туркменами, зарывшими тѣла ихъ въ песокъ, они, для повѣрки своихъ догадокъ, оставили лошадей и ружья, а сами занялись вытягиваніемъ зарытаго въ песокъ плаща. Въ это время, недремавшій туркменъ ловко воспользовался ихъ оплошностью: онъ быстро подхвативъ ружья и лошадей за поводья, съ этой, легко доставшейся ему добычей, спокойно отправился за Атрекъ.

Бѣдные солдатики, по присущей русскимъ людямъ безпечности, такъ опроставшіе, поохали про себя, довольны выбранились и затѣмъ порѣшили немедленно вернуться къ колодцамъ и откровенно доложить начальству о случившейся съ ними оказіи и о томъ, что на мѣстѣ привала они нашли только зарытые въ песокъ плащи. Вслѣдствіе этого доклада майоръ Козловскій, неимѣвшій болѣе проводника и ненашедшій у Таганклыча туркменскихъ верблюдовъ, въ свою очередь благоразумно порѣшилъ, не теряя времени, вернуться по кратчайшему направленію въ Чикишляръ; куда онъ благополучно возвратился, при запасѣ воды на верховыхъ лошадяхъ, и тамъ засталъ уже всѣхъ своихъ отсталыхъ 85 человекъ, оставленныхъ съ прапорщиками Алфимовымъ и Жуковымъ.

О бѣдствіяхъ, испытанныхъ этими людьми, ходили тогда же въ обществѣ разнорѣчивые толки, нѣкоторые даже обвиняли кого-то, что допустили бѣдствовать 85-ть человекъ. Но едва ли кто былъ тогда виновенъ въ этихъ бѣдствіяхъ, — тѣмъ менѣе могъ быть виновенъ начальникъ колонны, посланный въ первый разъ въ неислѣдованную тогда еще пустыню. Бѣдствія были испытаны при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ ухода, колонны съ привала отсталые предалися покою. Сонъ и ночная прохлада, — довольно чувствительная въ августѣ въ туркменскихъ степяхъ, — на столько подкрѣпили ихъ силы, что они на разсвѣтѣ, мучимые жаждою, стали рыть колодезь штыками или просто руками, — но дорылись только до горькосолоной грязи, почему бросили бесполезную работу.

Наконецъ въ 9 ч. утра 28 августа, прапорщикъ Жуковъ, потерявъ надежду на помощь и вѣсть изъ колонны, объявилъ, что онъ, опасаясь каждой минуты промедленія, рѣшился возвратиться въ Чикишляръ, для чего намѣренъ избрать путь на сѣверо-западъ. На вызовъ его: кто согласенъ ему сопутствовать, откликнулись только 4 рядовыхъ и 1 унтеръ-офицеръ. Прапорщикъ Алфимовъ съ большинствомъ пожелалъ дожидаться помощи на мѣстѣ; но и онъ, спустя часъ послѣ ухода Жукова, по примѣру его зарылъ въ песокъ плащи и повелъ команду по направленію къ сѣверу. Въ этомъ направленіи, верстахъ въ 12-ти, былъ видѣнъ высокій бѣлый бугоръ; къ нему-то собственно Алфимовъ и направился въ надеждѣ, что, можетъ быть, найдетъ тамъ какую-нибудь воду. Эта надежда, на одномъ предположеніи основанная, не обманула его: тамъ дѣйствительно находился источникъ съ порядочной прѣсной водою, о существованіи котораго было умолчано проводникомъ и мирными туркменами. Источникъ этотъ, находившійся въ 16-ти верстахъ отъ Чикишляра, былъ нанесенъ на карту, уже впослѣдствіи подъ названіемъ колодезя «Бѣлый Бугоръ».

Но изъ всей команды, состоявшей изъ 79 человекъ нижнихъ чиновъ и офицера (Алфимова), только одному

рядовому посчастливилось доползти до бугра: всѣ остальные, не дойдя одной-двухъ верстъ, попадали въ изнеможеніи отъ жажды на протяженіи двухъ верстъ и признаками ихъ жизни были однѣ конвульсивныя движенія рукъ и ногъ. (Почти всегдашнее явленіе слишкомъ продолжительной жажды въ зной). Счастливый солдатикъ, достигшій до спасительнаго источника, по утоленіи жажды, не позабылъ о своихъ погибавшихъ товарищахъ; но, для спасенія ихъ, ему была необходима какая-либо посуда, которой у него не имѣлось. Тогда ему пришла на умъ мысль обратить въ ведра свои сапоги; онъ попробовалъ зачерпнуть воды—опытъ удался, хотя не совсѣмъ: одинъ сапогъ оказался съ дырой. Но онъ и съ остальнымъ, цѣлымъ, прошолся нѣсколько разъ по пути, устланному умиравшими, и посредствомъ, воды, набираемой въ сапогъ, возвратилъ къ жизни офицера и всѣхъ до одного — своихъ товарищей.

Спасенная такимъ образомъ отъ смерти, команда, послѣ утоленія жажды и достаточнаго отдыха у колодезя, вечеромъ 28 августа, уже безъ особыхъ бѣдствій, достигла до Чикишляра, не бросивъ ни одного ружья. Вслѣдствіе доклада офицера о направленіи, взятомъ партией подъ командою прапорщика Жукова, ночью въ укрѣпленіи было пущено нѣсколько сигнальных ракетъ; а утромъ слѣдующаго дня была отправлена, для спасенія погибавшихъ въ пустынь, команда изъ 20 чел. при офицерѣ, имѣвшая съ собою запасную воду въ мѣхахъ, которыми былъ навьюченъ порціонный волъ.

Партія прапорщика Жукова, отправившаяся утромъ

28 августа по избранному имъ направленію, прошла въ тотъ день небольшое разстояніе: страшный зной и усталость отъ ходьбы по пескамъ скоро заставили всѣхъ лечь. Снявъ съ себя бѣлье и обмотавъ имъ головы, для защиты отъ солнечнаго удара, они кое-какъ укрывали отъ припековъ свое обнаженное тѣло подъ навѣсомъ изъ исподней же одежды, повѣшенной на составленные ружья. Такъ пролежали они до вечера, а вечеромъ, передъ закатомъ солнца, одѣлись и снова пошли по неизвѣстному пути. Шли они цѣлую ночь и утромъ слѣдующаго дня набрали на обширную яму, съ грязью на днѣ. Полагая, что то былъ когда-то колодезь, они влѣзли въ яму, выбросали руками первые слои грязи и съ радостью увидѣли воду; но, къ несчастію, она оказалась очень горькой и невозможной для питья. Тогда офицеру пришла мысль сдѣлать чай. Въ карманѣ у него нашлось нѣсколько кусочковъ сахара и щепоть чаю; котелокъ и нѣсколько зажигательныхъ спичекъ нашлись у солдатъ, а сухаго бурьяну вблизи было вдоволь. Вскипятили воду, выжатую изъ грязи, заварили чай,—но, не смотря на мучительную жажду, не могли сдѣлать и по глотку отвратительной микстуры.

Послѣ этого путники прошли, а гдѣ проползли, еще нѣкоторое разстояніе; наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, повалились на жгучій песокъ, укрывъ только голову подъ навѣсомъ изъ тряпья... Было уже 3 часа пополудни, а съ 10-ти часовъ утра они лежали какъ мертвецы; черезъ обнаженное ихъ тѣло переползали ядовитые гады, и никто не обращалъ на это вниманія. Потерявъ надежду на спасеніе, они ожидали мол-

ча, безъ стоновъ и вздоховъ, своего конца, — да, впрочемъ, и говорить-то они не могли: горло и языки у нихъ у всѣхъ были распухшіе. Наконецъ, кто-то изъ нихъ прервалъ гробовое молчаніе и съ трудомъ, сквозь зубы пролепеталъ: «А мыѣ братцы, все сдается, что мы сегодня непременно будемъ спасены: сегодня царскій день и вездѣ во всѣхъ церквахъ было богослуженіе; и за насъ, странствующихъ, молились Богу».

Говорившій заявлялъ свои надежды 29-го августа, полагая что 30-е число. Но только что онъ окончилъ эти слова, какъ вдругъ, въ сторонѣ, щелкнулъ ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Эти выстрѣлы произвели оживляющее дѣйствіе на умиравшихъ; всѣ они, хотя не безъ усилія, поднялись на ноги, а у одного рядового хватило силы зарядить ружье, поднять его и сдѣлать одинъ выстрѣлъ, въ отвѣтъ на поданные сигналы.

Черезъ пол-часа послѣ этого пришла на помощь къ погибающимъ команда, посланная изъ Чикишляра съ водою на быкъ, за неимѣніемъ верблюдовъ. Но бѣдные страдалцы равнодушно смотрѣли на подносимую имъ братской рукою воду: отъ продолжительнаго неупотребленія ея у нихъ пропалъ позывъ на питье, притомъ, они не могли глотать распухшимъ горломъ. Тогда начальникъ команды, штабсъ-капитанъ Яновскій, влилъ каждому больному въ ротъ по чайной ложечкѣ спирту; это испытанное средство тотчасъ растворило горловой пищепріемный каналъ и позвало на питье.

Послѣ подкрѣпленія силъ водою и сухарями, размоchenными въ водѣ, больные, получивъ запасную воду, пошли по указанному направленію въ укрѣпленіе, быв-

шее верстахъ въ 10-ти. Яновскій же съ командою отправился въ мѣсту привала колоны, вечеромъ 27-го августа, дабы забрать плащи, зарытые въ песокъ. Онъ благополучно совершилъ этотъ переходъ, но большая часть плащей уже была похищена туркменами.

Прапорщикъ Жуковъ съ унтеръ-офицеромъ и 4-мя рядовыми пришелъ въ Чикишляръ въ полночь на 30-е августа. Вслѣдствіе чрезмѣрныхъ лишеній, превзошедшихъ лишенія, испытанныя колоною Маркозова, во время движенія въ Хиву въ 1873 г., всѣ они съ горячкою поступили въ походный лазаретъ, откуда двое изъ нихъ не вышли.

Маіору Козловскому, послѣ возвращенія его изъ набѣга къ колодцамъ Таганкычъ, поручено было съ 2-мя ротами, серьезно принужнуть, приморскихъ мирныхъ туркменовъ, — за расхищенные солдатскіе плащи и похищенные проводникомъ двѣ лошади и два ружья. Арестованные аульные старшины, видя, что за нихъ берутся не на шутку, клялись бородою Магомета и ѣли песокъ въ доказательство, что не знаютъ, кто похитилъ плащи, а лошадей и ружья обѣщали вернуть, если имъ будетъ позволено послать за Атрекъ своихъ довѣренныхъ. Позволеніе было дано, и спустя нѣсколько дней, лошади и ружья были возвращены въ исправности.

К. Б.

Князь-Голенищевъ-Кутузовъ.

802-17
1961

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ шести рисунковъ.

— — — — —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

СОЛДАТСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ.

Дѣйствія Туркестанскаго и Оренбургскаго отрядовъ противъ Туркменъ іомудовъ.—2) Торжественное открытіе памятника Петру I, въ Петровскѣ, 29-го іюня. 3) Полковой праздникъ 17-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка и мысль генераль-лейтенанта Геймана о сооруженіи памятника рядовому полка Архипу Осипову. 4) Похороны русскаго офицера въ Гревсендѣ. 5) Проводы 1-го гусарскаго Сумскаго полка жителями г. Бѣжецки, Тверской губерніи. 6) Солдатскій театръ въ г. Канскѣ.

I.

Дѣйствія Туркестанскаго и Оренбургскаго отрядовъ противъ Туркменъ іомудовъ.

Причины военныхъ дѣйствій противъ Туркменъ.—Дѣло при дер. Чендырѣ 13-го іюля.—Ночное нападеніе 10 тысячъ Туркменъ 15-го іюля.—Совершенное пораженіе Туркменъ 17-го іюля и отбитіе у нихъ значительнаго числа арбъ съ имуществомъ.—Просьба старшинъ родовъ Туркменовъ о дозволеніи поселиться на прежнемъ мѣстѣ жительства.—Наложеніе на Туркменъ контрибуціи.

Послѣ занятія Хивы, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, имѣя въ виду заставить ханское правительство исполнять въ будущемъ требованія Россіи, призналъ необходимымъ измѣнить тѣ отношенія, которыя установились и существуютъ въ Хивѣ между туркменами и правительствомъ хивинскаго хана. Во время пребыванія нашихъ войскъ въ Хивѣ выяснилось, что власть хана надъ туркменами, живущими въ не вдалѣнномъ разстояніи отъ Хивы, на мѣстахъ привольныхъ, богатыхъ растительностію,—есть власть только по названію, и что туркмены, ограждаясь именемъ хана, безнаказанно разбойничали. Ханъ былъ безсиленъ. Племя туркменъ, доходящее до 30-ти тысячъ кибитокъ, было весьма

грозно для хивинскаго правительства; такъ какъ оно весьма воинственно и до крайности своевольное разбойническое племя могло выставить (по одному человѣку съ кибитки), до 30-ти тысячъ вооруженныхъ воиновъ, чрезвычайно смѣлыхъ, дерзкихъ, хищническихъ, на прекрасныхъ, быстрыхъ, выносливыхъ коняхъ. Управляемые въ своей средѣ на общинномъ началѣ, туркмены не привыкли къ повиновенію и совершенно не подчиняются никакой власти и не исполняютъ никакихъ требованій хана и его правительства. Не внося въ ханскую казну никакихъ податей, туркмены только обязаны выставять ханскому правительству для защиты земель ханства определенное число воиновъ. Они выполняли и эту повинность не такъ, какъ приказывалъ имъ ханъ, а какъ они находили это для себя болѣе удобнымъ; число воиновъ ими выставлялось не то, которое было указываемо ханомъ, а по мѣрѣ возможности и по ихъ собственному усмотрѣнію. Поступивъ въ ряды хивинскаго воинства, они получали отъ хана содержаніе и, кромѣ того, проходя по землямъ своихъ же соотечественниковъ, подданныхъ хана, считали своимъ долгомъ и въ полномъ себя правѣ обирать жителей и получать съ нихъ все, что имъ было нужно.

Вслѣдствіе этого произошло то, что туркмены и самъ ханъ хивинскій считали, что только они одни (туркмены) могутъ защищать ханское правительство и отстоять противъ всякаго врага земли ханства и поэтому ханъ и былъ въ зависимости отъ туркменъ.

Генераль-адъютантъ Кауфманъ нашелъ, что неудобно позволять туркменамъ господствовать и распоряжаться

такимъ образомъ въ ханствѣ, потому что тогда ханъ, при всемъ его искреннемъ желаніи выполнять наши требованія, но находясь подъ вліяніемъ туркменъ, былъ бы не въ состояніи ихъ исполнять.

По этому командующій войсками, пользуясь пребываніемъ нашихъ войскъ въ ханствѣ, рѣшилъ ослабить туркменовъ матеріально и нравственно, сломивъ ихъ кичливость и необузданность. Въ этихъ видахъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ опредѣлилъ взыскать съ туркменовъ пению въ 300,000 руб. и приказалъ начать сборъ ея съ болѣе многочисленнаго, сильнаго и безпокойнаго рода туркменъ-іомудовъ.

Для объявленія о наложеніи этой пени, и для опредѣленія условій взноса денегъ и срока уплаты, еще въ концѣ іюня потребованы были въ Хиву старшины отдѣленій іомудовъ. На заявленіе о контрибуціи, явившіеся старшины объявили командующему войсками, что пеня будетъ уплочена. Тогда генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отпустилъ домой пятерыхъ старшинъ, по одному съ каждого отдѣленія, приказавъ имъ объявить народу свое рѣшеніе и распорядиться сборомъ денегъ. Остальныхъ старшинъ въ числѣ 12-ти, командующій войсками оставилъ заложниками въ лагерѣ нашихъ войскъ съ тѣмъ, чтобы отпустить ихъ по домамъ, какъ только начнетъ взносъ пени отъ іомудовъ. Вышеупомянутые пять старшинъ отправились изъ Хивы въ свои отдѣленія 6-го іюля.

Для наблюденія за ходомъ сбора денегъ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ выдвинулъ, 7-го іюля, изъ Хивы къ г. Хазавату отрядъ, въ составѣ 8-ми ротъ, 10-ти орудій (въ томъ числѣ двѣ картечницы), всю

каваллерію Туркестанскаго и Кавказскаго отрядовъ (восемь сотенъ съ ракетною батареею), подъ начальствомъ генераль-маіора Головачева.

На другой день, по прибытіи войскъ къ Хазавату, генераль-маіоръ Головачевъ получилъ свѣдѣніе, что іомуды не только не приступаютъ къ сбору контрибуціи, но поднялись съ своихъ мѣстъ, собираются откочевать и дать русскимъ вооруженный отпоръ.

На основаніи этихъ извѣстій, генераль-маіоръ Головачевъ двинулся съ отрядомъ въ іомутскія кочевья; и 9-го іюля, прибылъ на арыкъ Базаркаты. Здѣсь генералу Головачеву донесли съ передовыхъ постовъ, что съ разныхъ сторонъ показались значительныя партіи іомудовъ, очевидно слѣдящія за отрядомъ, а рабы туркменъ-персіяне, бѣжавшіе отъ нихъ, объяснили, что туркмены перекочевываютъ не много впереди отряда къ Исмамутъ-ата.

Получивъ эти извѣстія, генераль Головачевъ поручилъ полковнику Блоку съ авангардомъ изъ пяти сотенъ съ ракетною батареею преслѣдовать туркменъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ, двинулся вслѣдъ за кавалеріей.

При движеніи авангарда полковника Блока, онъ имѣлъ стычку съ туркменами, которыхъ и загналъ въ р. Зайкешъ, гдѣ ихъ множество погибло, какъ убитыми, такъ и утонувшими, при чемъ полковникъ Блокъ отбилъ у туркменовъ скотъ и арбы.

Генераль Головачевъ, двигаясь вслѣдъ за авангардомъ, 13-го іюля сталъ лагеремъ у дер. Чандыръ. Здѣсь онъ получилъ донесеніе съ пикетовъ о появленіи близъ лагеря значительной партіи туркменъ, очевидно

намѣревавшихся напасть на лагерь, поэтому немедленно принялъ необходимыя мѣры къ ихъ отраженію.

Едва только сдѣланы были приготовленія, какъ туркмены, появившіеся впереди лагеря, тотчасъ-же бросились въ атаку на отрядъ полковника Новомлинскаго, и пошли въ обходъ сѣверной и южной сторонъ лагеря. Фронтальная атака туркменовъ была отбита, съ большимъ для нихъ урономъ, огнемъ 3-го стрѣлковаго батальона и выстрѣлами скорострѣльныхъ пушекъ. Въ то же время, непріятель, бросившись въ обходъ правой стороны лагеря, скрываясь въ прилежащихъ садахъ, стремительно бросился изъ нихъ на послѣднихъ (заднихъ) верблюдовъ, которыхъ въ это время уводили въ лагерь и, не взирая на мѣткій огонь роты 2-го стрѣлковаго батальона и прикрытія верблюдовъ, успѣлъ захватить пять нашихъ верблюдовъ. Туркмены дорого заплатились за это нападеніе: подъ огнемъ 2-го стрѣлковаго батальона и людей прикрытія, они бросились бѣжать назадъ, но на пути были встрѣчены огнемъ стрѣлковъ 2-й роты 3-го стрѣлковаго батальона, такъ какъ полковникъ Новомлинскій, замѣтивъ движеніе туркменовъ въ правую сторону лагеря, перевелъ эту роту къ стѣнкѣ и далѣе въ сады, по пути отступленія туркменовъ. Послѣдніе потеряли много убитыми и ранеными, и бросили захваченныхъ ими верблюдовъ.

Нападеніе туркменовъ на лѣвую сторону лагеря повлекло за собою слѣдующій печальный случай. Нашъ казачій пикетъ, посланный отъ 1-й Уральской сотни и стоявшій съ этой стороны лагеря, шагахъ 800 отъ него, замѣтивъ вдали, въ пескахъ, появленіе туркменовъ, сталъ отступать на лагерь, отстрѣливаясь. Пра-

порщикъ Каменецкій, бывшій въ этотъ день дежурнымъ по кавалеріи, только что передъ тѣмъ выѣхалъ повѣрять посты и направился къ означенному пикету; встрѣтивъ послѣдній, онъ, вмѣсто того чтобы продолжать отступленіе, повернулъ пикетъ назадъ и, выхвативъ шашку, бросился на бывшую впереди небольшую кучку туркменовъ, но внезапно натолкнулся на партію, по крайней мѣрѣ, въ 100 человекъ, которая была скрытно расположена въ оврагѣ. Какъ въ лагерь, такъ и въ отрядъ полковника Новомлинскаго тотчасъ-же замѣтили это нападеніе на пикетъ. Изъ лагеря немедленно была двинута въ карьеръ полусотня, подъ начальствомъ сотника Лобова, и полувзводъ стрѣлковъ 4-го стрѣлковаго батальона, а изъ отряда полковника Новомлинскаго бѣгомъ бросился впередъ полувзводъ 4-й роты 3-го стрѣлковаго батальона. Къ несчастію, по дальности разстоянія, люди эти опоздали; они только подобрали тѣла убитыхъ: прапорщика Каменецкаго, трехъ казаковъ 1-й Уральской сотни, одного казака 3-й Уральской сотни, а также тяжело раненаго казака 1-й уральской сотни. Туркмены же, видя наступленіе нашей кавалеріи и преслѣдуемые огнемъ посланныхъ пѣхотныхъ частей, поспѣшно отступили къ товарищамъ, нападавшимъ равнымъ образомъ; но все атаки туркменъ противъ другихъ частей отряда были отражены столь вполне успѣшно, и, наконецъ, туркмены побѣжали. Преслѣдованіе ихъ продолжалось на разстояніи 3½ верстъ. Валявшіеся по дорогѣ трупы людей, которые туркмены, смотря на обычай не успѣли подобрать; убитыя и раненыя лошади ихъ—все свидѣтельствовало о большой потерѣ, которую они понесли и о поспѣшномъ ихъ бѣгствѣ. Къ семи часамъ

вечера, генераль-маіоръ Головачевъ возвратился съ своими войсками въ лагерь. Въ пѣхотѣ и артиллеріи потерь не было; въ кавалеріи-же убиты: одинъ офицеръ, четыре казака и одинъ казакъ тяжело раненъ.

Послѣ этого дѣла, генераль-маіоръ Головачевъ далъ дневку своимъ войскамъ, имѣя намѣреніе произвести 15-го іюля рѣшительное наступленіе и окончательно разсѣять туркменовъ, и для этого генераль-маіоръ Головачевъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Но въ ночь на 15-е іюля, когда генераль Головачевъ уже готовъ былъ къ выступленію изъ лагеря, вдругъ въ половинѣ девятого часа вечера узнали, что кругомъ лагеря, по временамъ, мелькаютъ огоньки и слышно ржаніе лошадей; это были туркмены готовившіеся произвести нападеніе на лагерь разомъ со всѣхъ сторонъ.

Тотчасъ принялись устроить вагенбургъ, который и былъ совсѣмъ готовъ къ 3^{1/2} часамъ ночи; въ то же время отрядъ началъ вытягиваться по дорогѣ къ Ильялѣ. Впереди согласно диспозиціи, шла вся кавалерія, имѣя въ головѣ дивизіонъ подполковника Есипова и ракетную батарею. За ними дивизіонъ Его Императорскаго Высочества, князя Евгенія Максимиліановича; затѣмъ, уральскій и, наконецъ, кавказскій дивизіоны.

Едва только кавалерія стала вытягиваться съ мѣста лагернаго расположенія, по двумъ мостамъ, на дорогу въ Ильялы, какъ вдругъ, на всемъ пространствѣ вокругъ отряда и бывшаго лагеря, одновременно послышались гиканье и крики, и массы конныхъ туркменовъ понеслись на бывшій лагерь и, преимущественно, на правую его сторону. Мгновенно, по распоряженію

подполковника Главацкаго, который ѣхалъ впереди головнаго дивизіона, развернулись на позиціи ракетная батарея и прикрывавшій ее дивизіонъ подполковника Есипова, 8-я и 12-я оренбургскія сотни, и, въ то же мгновеніе, ракеты полетѣли въ полпы непріятеля. Одновременно съ этимъ, подполковникъ Главацкій приказалъ дивизіону Его Высочества и уральскому дивизіону войскаваго старшины барона Бриднера броситься въ атаку правѣ дивизіона подполковника Есипова, а начальникъ всей кавалеріи отряда полковникъ Блокъ бросился съ кавказскимъ дивизіономъ лѣвѣе 1-го дивизіона подполковника Есипова.

Какъ только раздались крики непріятеля и ракетная батарея открыла огонь, генераль-маіоръ Головачевъ лично взялъ роты 2-го стрѣлковаго баталіона, бѣгомъ повелъ ихъ на мѣсто ракетной батареи, а начальникъ штаба, подполковникъ Фриде, въ то же время, сдѣлалъ распоряженіе о выѣздѣ артиллеріи вправо, такъ какъ, по топугу лошадей, можно было предполагать, что непріятель прорывается туда въ огромныхъ массахъ. Въ ту же сторону онъ, черезъ прапорщика Черткова, приказалъ направиться и 3-му стрѣлковому баталіону; 8-й линейный баталіонъ, прикрывая артиллерію, тоже направился вправо, а саперы получили приказаніе выстроиться лѣвѣе кавказскихъ сотенъ подполковника Квинитадзе. Стойко выдержалъ дивизіонъ Есипова (8-я и 12-я оренбургскія сотни) первый отчаянный натискъ непріятеля. Ракетная батарея, поражавшая непріятеля, живо отодвинулась влѣво, чтобы очистить мѣсто 2-му стрѣлковому баталіону. Баталіонъ бѣгомъ выстроилъ фронтъ и, пропустивъ батарею за свои ряды, далъ нѣ-

сколько залповъ по туркменамъ, которые, въ это время, находились уже не далѣе, какъ въ десяти шагахъ отъ фронта, такъ что, не смотря на полумракъ, можно было рассмотреть лица и фигуры нападавшихъ. Туркмены дрались съ отчаянной рѣшительностью; надвинувъ шапки на глаза, бѣгомъ, съ саблями и айбалтами въ рукахъ, кидались они на штыки; завязался рукопашный бой; нѣкоторымъ офицерамъ баталіона пришлось, наблюдая за своими частями, въ то же время, шашками отбиваться отъ непріятеля. Затѣмъ, живой ружейный огонь открылся по всей нашей боевой линіи.

Въ то же время, когда 3-й стрѣлковый баталіонъ выстраивалъ фронтъ, 1-я и 3-я Уральскія сотни отступали, чтобы очистить мѣсто стрѣлкамъ; а непріятель видя то прорвался на плечахъ сотенъ, до передовыхъ пѣхотныхъ частей нашихъ, такъ что 3-му стрѣлковому баталіону пришлось также штыками и залпами пробиваться впередъ. Остановленный на нѣсколько минутъ, непріятель снова кинулся въ атаку и завязалъ рукопашный бой. Нѣсколько отчаянныхъ удалцовъ, прорвавшихся внутрь боевого порядка, были переколоты штыками. Отогнавъ напавшія на него толпы непріятеля, баталіонъ сталъ стрѣлять залпами по садамъ, справа отъ нашего боевого порядка, и нанесъ здѣсь непріятелю большой уронъ.

Стрѣльба изъ орудій пѣшаго и коннаго дивизионовъ, бывшихъ подъ начальствомъ подполковника Терейковского также заставили туркменосъ отхлынуть назадъ. Нападеніе на вагенбургъ отряда, защищаемый двумя ротами 4 го стрѣлковаго баталіона и скорострѣльными

орудіями, отбито было столь-же успѣшно благодаря дѣльной распорядительности подполковника Омеляновича.

По свидѣтельству генералъ-маіора Головачева, войска наши дѣйствовали, въ высшей степени, хладнокровно, поражая непріятеля ружейнымъ огнемъ, штыками и сабельными ударами, не увлекаясь бесполезнымъ преслѣдованіемъ и не разрывая своихъ рядовъ. Въ тѣ минуты, когда должно было пропустить, очищавшія фронтъ казачьи части, баталіоны размыкались и затѣмъ, тотчасъ-же, сомкнувъ ряды, схватывались съ непріателемъ, который, на плечахъ казаковъ, бросался на нихъ въ атаку.

Всѣ единогласно свидѣлствуютъ, что никогда еще въ Средней Азіи туземцы не оказывали такой отчаянной смѣлости и настойчивости; видно было, что они бились на жизнь и на смерть. Можно также положительно заявить что въ дѣлѣ 15-го іюля всѣ, безъ исключенія, чины нашего отряда принимали участіе въ рукопашной схваткѣ. Его Императорское Высочество Князь Евгенийъ Максимиліановичъ, также вмѣстѣ съ другими, принялъ личное участіе въ боѣ и выстрѣломъ изъ револьвера положилъ на мѣстѣ бросившагося на него туркмена. Состоящій при Его Высочествѣ, полковникъ фонъ-Мейеръ былъ раненъ саблею въ голову и въ руку въ ту минуту, когда онъ, слѣдуя за непріателемъ, указывалъ Его Высочеству на бросившихся на него нѣсколькихъ туркменовъ. Особенно опасною была та минута, когда туркмены, на плечахъ 8-й сотни, потерявшей убитымъ своего храбраго командира подполковника Есипова, прорвались за фронтъ боевой

линіи. Въ атакѣ этой участвовали, кромѣ конныхъ, также и пѣшіе туркмены, вооруженные, исключительно, холоднымъ оружіемъ. Они подскакивали къ фронту, сидя на крупахъ лошадей туркменскихъ всадниковъ, и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фронта, соскакивали съ лошадей и кидались въ атаку. Босые, въ однихъ рубахахъ, съ засученными рукавами, закрывая лѣвой рукой глаза, они, съ гикомъ и воплями, ворвались въ образовавшійся между 2-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 8-ю Оренбургскою сотнею промежутокъ и кинулись на свиту ген.-м. Головачева и на конвой. Въ это время, самъ ген. Головачевъ былъ раненъ сабельнымъ ударомъ въ кисть правой руки. Бросившагося на него туркмена закололъ стрѣлокъ 2-го баталіона Саятинъ.

Одновременно съ ген. Головачевымъ были ранены, саблями въ голову, начальникъ штаба подполковникъ Фриде и капитанъ Маевъ; оба они до конца дѣла оставались на лошадяхъ безъ перевязки, а затѣмъ, послѣ таковой, остались при исполненіи своихъ обязанностей.

Когда уже совершенно разсвѣло, непріятель, на всѣхъ пунктахъ отбитый и разбитый, прекратилъ свои атаки; и гикъ его слышался уже довольно далеко отъ линіи боеваго расположенія. Роты и сотни наши стояли въ грозномъ, правильномъ порядкѣ, и картечныя гранаты прогоняли державшіяся вдали толпы туркменовъ. Множество тѣлъ, лежавшихъ кругомъ боевой нашей линіи, свидѣтельствовали о томъ огромномъ уропѣ, который понесъ непріятель въ дѣлѣ 15-го іюля. Потеря непріятеля въ дѣлѣ 15-го іюля весьма велика:

по показанію туземцевъ, однихъ убитыхъ 800 человекъ; число раненныхъ должно быть значительнѣе.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ дѣлѣ 15-го іюля принимали участіе кромѣ іомудовъ, туркмены слѣдующихъ родовъ: гофлены, два отдѣленія чаудоровъ, имрали, часть али-или и карадашли.

Число всѣхъ туркменовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, простиралось, по рассказамъ туземцевъ, до 10,000, въ томъ числѣ было около 4,000 пѣшихъ и до 6,000 конныхъ.

Вечеръ 15-го и день 16-го іюля отрядъ занимался приготовленіемъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ непріателемъ, и постоянно наблюдалъ за его движеніями. Съ 16-го на 17-е число отрядъ расположился лагеремъ по обоимъ берегамъ арыка Хаджа-куня-ханъ.

Часа въ четыре утра (17-го іюля), въ отрядъ прибыли два иранца которые показали, что туркмены двинулись на Куня-Ургенчъ и что не большая часть ихъ отправилась по направленію на Змушкиръ. Вслѣдствіе этого немедленно же вся артиллерія, подъ начальствомъ полковника Блока, была отправлена на рысяхъ впередъ, для преслѣдованія отступающаго непріятеля. Пройдя верстъ 12 отъ мѣста ночлега, полковникъ Блокъ замѣтилъ впереди на дорогѣ непріятельскій вагенбургъ, состоящій изъ 200 или 300 арбъ, съ нагруженнымъ на нихъ имуществомъ и занятый вооруженными туркменами, которые, засѣвъ за арбы, рѣшились упорно защищать свои семейства. Не дойдя 200 или 300 шаговъ до вагенбурга, полковникъ Блокъ остановилъ кавалерію немедленно спѣшилъ 1-ю и 3-ю Уральскія сотни и приказалъ имъ овладѣть вагенбургомъ. Спѣ-

шившіеся казаки, послѣ короткой перестрѣлки, на самомъ близкомъ разстояніи, бросились въ атаку и быстро заняли вагенбургъ, не смотря на сопротивление. Здѣсь было изрублено до 200 туркменовъ. Взятое сотнями оружіе, холодное и огнестрѣльное, было тутъ же изломано.

По занятіи вагенбурга и по переправѣ черезъ арыкъ, протекавшій въ тылу его, полковникъ Блокъ продолжалъ преслѣдованіе и, въ 7 верстахъ отъ мѣста перестрѣлки, встрѣтилъ новый обозъ въ 400 арбъ, овладѣніе которымъ онъ поручилъ ракетному дивизиону съ 12-ю оренбургскою сотнею. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, казаки этого дивизиона и 12-я оренбургская сотня дружно ударили на вагенбургъ и овладѣли имъ, изрубивъ много туркменовъ. Послѣ взятія втораго вагенбурга, непріятель бросился бѣжать въ разныя стороны, а большая партія, отдѣлившаяся отъ главной партіи туркменовъ, кинулась влѣво отъ дороги, по направленію къ пескамъ. Для преслѣдованія этой партіи, полковникъ Блокъ командировалъ подполковника Главицкаго, съ 17-ю оренбургскою и 3-ю уральскою сотнями. Порученіе это было успѣшно исполнено, такъ какъ большая часть туркменовъ этой партіи не успѣла достигнуть песковъ, а была отброшена назадъ на дорогу, по которой продолжалось движеніе ввѣренной полковнику Блоку кавалерія.

По возвращеніи 17-й оренбургской и 3-й уральской сотенъ, кавалерія двинулась впередъ рысью и, пройдя песками около 6 верстъ, снова наткнулась на третій вагенбургъ, состоявшій, примѣрно, изъ 1,000 арбъ съ богачемъ и охраняемый вооруженными туркменами, ви-

димо готовившими дать серьезный отпоръ. 17-я Оренбургская и 5-я Семирѣченская сотни, подъ командою Его Императорскаго Высочества князя Романовскаго Герцога Лейхтенбургскаго, пущенныя въ атаку, дружнымъ натискомъ отбросили туркменовъ отъ вагенбурга. Нѣсколько удачныхъ атакъ, произведенныхъ нашими сотнями конно-дагестанскаго и сунженскаго полковъ, довершили пораженіе непріятеля. Вслѣдствіе атакъ, произведенныхъ нашими сотнями и настойчиваго преслѣдованія, непріятель, на этомъ мѣстѣ, оставилъ въ нашихъ рукахъ много рогатаго скота, верблюдовъ и все навьюченное на арбахъ имущество. Овладѣвъ третьимъ вагенбургомъ и оставивъ далеко въ тылу отбитый скотъ, верблюдовъ и имущество, полковникъ Блокъ счелъ не-обходимымъ прекратить преслѣдованіе. Потеря наша ограничилась тремя легко ранеными казаками 5-й семирѣченской сотни; уронъ же непріятеля доходитъ до 500 убитыхъ. Въ этотъ день, кавалеріею отбито у туркменовъ до 5,237 головъ крупнаго и мелкаго скота, 119 верблюдовъ и 3,000 арбъ, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ.

Во время разсыпной атаки, произведенной 5-ю семирѣченскою сотнею, Его Императорское Высочество князь Евгеній Максимиліановичъ, находясь впереди 5-й сотни, былъ встрѣченъ толпою іомудовъ. Одинъ изъ туркменовъ бросился на Его Высочество, но направленный туркменомъ ударъ былъ предупрежденъ, купцомъ 1-й гильдіи Грозовымъ, выстрѣломъ изъ винтовки, положившимъ туркмема. Купецъ Грозовъ находился волонтеромъ при дивизионѣ Его Высочества.

Между тѣмъ генераль-маіоръ Головачевъ спѣшилъ съ

пѣхотою и орудіями вслѣдъ за кавалеріей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности, поддержать ее. Множество арбъ, брошенныхъ на дорогѣ со всѣмъ имуществомъ, свидѣтельствовали о паническомъ страхѣ, который овладѣлъ туркменами, при видѣ приближавшагося отряда нашего. Въ поспѣшномъ бѣгствѣ своемъ, туркмены не только не могли гнать за собою табуновъ скота, но даже бросали женъ и дѣтей своихъ, и только сами спасались на лучшихъ лошадяхъ. Тѣ изъ нихъ, которые оставались у своихъ арбъ и пытались защищаться кто чѣмъ могъ, какъ и ихъ всадники, настигаемые казаками, были изрублены.

Тѣла убитыхъ встрѣчались повсюду на дорогѣ. Видно было, что преслѣдованіе происходило горячее, и что здѣсь нанесенъ былъ турменамъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Бѣгущій непріятель разсѣялся, наконецъ, мелкими партіями, и, уже не пытаясь сопротивляться, искалъ только спасенія въ пескахъ. Генераль-маіоръ Головачевъ, давъ отдыхъ войскамъ и приказавъ собрать весь скотъ и сжечь всѣ арбы, оставленные туркменами, онъ въ 3½ часа пополудни, выступилъ съ отрядомъ обратно, и дошелъ до низовья Куланъ-япа, гдѣ и ночевалъ. Въ этотъ день, были легко ранены: три казака и два джигита.

На слѣдующій день, 18-го іюля, генераль-маіоръ Головачевъ выступилъ далѣе и остановился на ночлегъ на арыкѣ Ніазъ-Шейхъ (мѣсто стоянки отряда 16-го іюля), куда вскорѣ прибылъ и генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Командующій войсками, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся съ отрядомъ своимъ отъ Хивы къ

мѣсту военныхъ дѣйствій еще 15-го іюля, но онъ шелъ не тою дорогою, которою слѣдовалъ отрядъ генераль-маіора Головачева, а по пути, пролегавшему по правому берегу Хазаватскаго канала. Поселенія іомудовъ въ этихъ мѣстахъ превосходныя: они представляютъ такія же тщательно обработанныя, богатые пашни, сады и поля какъ и между узбекскими и прочими осѣдлыми поселеніями ханства. Вся страна эта была брошена жителями, поля не убраны, въ домахъ и сакляхъ повсюду видны были слѣды поспѣшнаго оставленія іомудами своихъ жилищъ. Изъ Змукширъ командующій войсками генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ утромъ 19-го іюля, прибылъ въ Ильяллы, гдѣ и нашелъ оба отряда Туркестанскій и Оренбургскій, расположенными верстахъ въ двухъ одинъ отъ другаго, по обѣ стороны гор. Ильяллы.

Погромъ, произведенный нашими войсками между іомудами, весьма значителенъ. Туркмены потеряли много убитыми, и ранеными; всего скота отбито у нихъ до 9,000 головъ; жилища, хлѣбъ, разные запасы по пути движенія отряда генераль-маіора Головачева, отъ Хазавата до Змукшира, преданы племени; одновременно войсками уничтожено и сожжено до 3,000 арбъ съ имуществомъ іомудовъ. Ослабленные матеріально и пораженные нравственно, іомуды разбрѣлись въ разныя стороны, но куда именно, не было въ то время точно извѣстно.

22-го и 23-го іюля, къ генераль-адъютанту фонъ-Кауфману начали являться уже депутаціи, по нѣскольку человѣкъ, отъ трехъ отдѣленій іомудовъ: Ушакъ, Салакъ и Урускущи, съ просьбами о пощадѣ и о разрѣшеніи имъ вернуться и сѣсть на свои мѣста, такъ

какъ укрывательство ихъ отъ нашихъ войскъ въ безводныхъ пескахъ можетъ повести къ окончательной ихъ гибели и къ уtratѣ уцѣлѣвшаго и оставшагося еще при нихъ скота. Командующій войсками объявилъ депутатамъ, что они могутъ селиться на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Пораженіе іомудовъ произвело впечатлѣніе во всемъ ханствѣ. Узбеки и вообще осѣдлое населеніе жителей Хивы не разъ уже страдавшее отъ хищничества и разбоевъ туркменовъ, и особенно іомудовъ Бйрамъ-Шалы, очень довольны постигшей ихъ участи; наказаніе съ нашей стороны туркменовъ, они считаютъ совершенно справедливымъ и надѣются, что теперь на долго въ ханствѣ установится спокойствіе и миръ.

Ханъ также весьма доволенъ достигнутыми нашимъ оружіемъ успѣхами; онъ выслалъ къ генералу фонъ-Кауфману въ Ильяллы посланца изъ Хивы съ письмомъ, въ которомъ поздравлялъ командующаго войсками съ пораженіемъ іомудовъ и завѣрялъ, что теперь они не скоро оправятся, и имъ на долго придется отказаться отъ привычныхъ имъ хищническихъ, грабительскихъ дѣйствій.

Чтобы завершить свои дѣйствія противъ туркменъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ собралъ, 21-го іюля, въ лагерь подъ г. Ильяллы, старшинъ остальныхъ родовъ туркменовъ: чаудоровъ, имрали, кара-дашлы, али-или, гокленовъ и караджиманды *), и объявилъ имъ, что онъ требуетъ съ нихъ уплаты, въ 12-ти дневный

*) Іомуды Кара-чоха, живущіе за Куна-Ургенчемъ, не участвовали въ общемъ вооруженіи туркменовъ, и потому избавлены отъ уплаты пени.

срокъ, пени въ размѣрѣ 310,000 руб. Имѣя въ виду, что наличныхъ денегъ у туркменъ очень мало, генералъ фонъ-Кауфманъ предложилъ имъ половину, если желаютъ, уплатить верблюдами. Старшины обѣщали, что пеня будетъ уплачена. Для наблюденія за сборомъ ея, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ съ войсками Туркестанскаго и съ частью Кавказскаго отрядовъ, остался временно въ лагерь у Ильяллы; Оренбургскій же отрядъ передвинуть былъ отъ Ильяллы къ Казыль-такыру, около котораго сосредоточены кочевья чаудоровъ, гокленовъ и али-или; вокругъ же Ильяллы расположены кочевья мирали и карадашлы.

На третій день опредѣленнаго имъ 12-ти дневнаго срока, всѣ роды приступили уже къ внесенію пени, и, 24-го іюля, по донесенію полковника Саранчева, къ нему доставлено было отъ ближайшихъ родовъ до 5,000 тилей или 9,000 руб.

II.

Торжественное открытіе памятника Императору Петру I въ Петрозаводскѣ 29-го іюля.

29-го іюня сего года въ Петрозаводскѣ происходило торжественное открытіе памятника Петру I-му. Еще 28-го іюня начали собираться изъ уѣзда крестьяне всѣхъ возрастовъ: появились старинные женскіе наряды изъ жемчуга и парчи. На пароходѣ «Царица» прибылъ изъ С.-Петербурга хоръ музыкантовъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, присланный, по ходатайству олонецкаго губернатора, съ разрѣшенія Великаго Князя Нилая Николая Николаевича Старшаго, въ память того, что полкъ этотъ сформированъ Петромъ I. Городскія,

VII 13/2

Лит. Минстера.

Рядовые Тенгинскаго пѣхотнаго полка.

1735г.

1726.

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ, 802-17
1857

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ ПОЛКОВНИКА

И. ЧЕКМАРЕВА І.

Изданіе К. Вингебера.

Книжка четвертая.

ГОДЪ ШЕСТЫЙ. 802-8208 n

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

22/189
3

рать людей и защищаться, но въ ту же минуту получилъ жестокою рану саблею. Шведы окружили его, но онъ, сражаясь, старался пробиться въ нижнюю палубу, гдѣ находилась часть команды. Получивъ другую рану кортикомъ и видя невозможность соединиться съ командою, Сухотинъ бросился въ свою каюту и заперъ за собою дверь. Шведы не успѣвъ въбѣжать туда вмѣстѣ съ нимъ, требовали, чтобы онъ отперъ каюту, и за упорство грозили ему смертію. Но изъ каюты не было отвѣта. Шведы начали стрѣлять въ дверь изъ пистолетовъ, повторяли угрозы, но въ отвѣтъ слышали одни стоны страдальца. Шведы наконецъ вышли изъ терпѣнія, разломали каюту, и, увидѣвъ Сухотина покрытаго кровью и уже едва дышащаго, оставили его и бросились искать добычи. Казенное и частное имущество было расхищено, по праву побѣды; но сокровище Сухотина, которымъ онъ дорожилъ болѣе жизни, хранилось у сердца его. Пять роковыхъ пуль, одна послѣ другой, поражали Сухотина, запертаго въ каютѣ, но не могли отвлечь его отъ исполненія великодушнаго подвига. Собравъ всѣ свои силы, онъ пользовался послѣдними минутами, чтобы изорвать находившіяся у него сигнальныя книги. (*) Сухотинъ страшился, чтобы Шведы, узнавъ наши сиг-

(*) т. е. книги, заключающія въ себѣ условныя сигналы для переговоровъ одного судна съ другимъ. Сигналы эти должны быть тайною для непріятеля: иначе онъ узнаетъ всѣ предполагаемыя нами дѣйствія и движенія и, предупреждая ихъ, нанесетъ намъ большой вредъ.

налы, не повредили флоту, и, запершись въ каютѣ, рвалъ бумагу зубами, рубилъ кортикомъ и раздиралъ. Но ослабѣвая отъ ранъ, не будучи въ состояніи болѣе дѣйствовать, онъ собралъ послѣднія свои силы, приложилъ бумагу къ остывающему сердцу и—скончался.

Миръ праху твоему, великодушный юноша! Да сохранится до поздняго потомства память доблестнаго твоего подвига, и да будетъ онъ примѣромъ въ службѣ и утѣшеніемъ всякому русскому.

И кто не прольетъ слезы умиленія надъ раннею могилою этого юнаго героя; пусть примѣръ его возбуждетъ въ сердце каждаго такую же любовь, преданность и самоотверженіе къ любезному нашему отечеству, и если кому нибудь случится быть въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ вспомнитъ Сухотина и подобно ему будетъ готовъ положить жизньъ свою, для спасенія чести русскаго флага.

ИСТРЕБЛЕНІЕ ТУРКМЕНСКИХЪ РАЗБОЙНИЧЬИХЪ ЛОДОКЪ ПРИ АУЛѢ ГАСАНЪ-ГУЛИ, 19-го СЕНТЯБРЯ 1852 ГОДА.

(Разсказъ очевидца)

У юго-восточнаго берега Каспійскаго моря, противъ границы Персіи съ землею Туркменовъ, въ заливѣ Астрабадскомъ, на небольшомъ островѣ Ашураде находится наша морская станція, назначенная охранять

купцовъ и рыбопромышленниковъ отъ разбоевъ Туркменскихъ пиратовъ, которые живутъ по восточному берегу Каспія.

Утромъ 18-го сентября, командующій Астрабадскою станціею капитанъ-лейтенантъ Свинкинъ сигналомъ съ парохода Волга, на которомъ былъ поднять его брейтъ-вымпелъ, созвалъ къ себѣ командировъ шхунъ— Тарантуль и Комаръ и объявилъ, что онъ намѣревается идти къ Туркменскому аулу Гасанъ-Гули, откуда, какъ донесли ему лазутчики, Туркмены въ большомъ числѣ собираются идти въ море для разграбленія мазандеранской провинціи. Для этого онъ приказалъ приготовить 8 лодокъ, отнятыхъ прежде у Туркменъ и восьмивесельный барказъ, и всѣ гребные суда вооружить каждыи 2-мя и 4-мя однофунтовыми фальконетами, посадить на нихъ по 12-ти человекъ матросовъ, выбрать для этого охотниковъ, и раздѣлить ихъ на три дивизиона: первый дивизионъ долженъ былъ состоять изъ 2-хъ лодокъ, вооруженныхъ каждая 2-мя фальконетами и барказа, вооруженнаго 4-мя фальконетами; второй дивизионъ изъ 3-хъ лодокъ, изъ коихъ одна была вооружена 4-мя фальконетами, а остальные двѣ каждая двумя. Въ третьемъ дивизионѣ было три двухъ-фальконетныхъ лодки.

Командирами дивизионовъ были назначены: 1-го командиръ парохода Волга, лейтенантъ Ристори, 2-го командиръ шхуны Тарантуль, лейтенантъ Петриченко, 3-го командиръ шхуны Комаръ, лейтенантъ Куронъ.

Всѣмъ дивизионамъ приказано было идти къ аулу Гасанъ-Гули такимъ образомъ: шхуна Тарантуль и Комаръ должны были взять на буксиръ каждая свой дивизионъ; предъ захожденіемъ солнца сняться съ якоря и идти къ Гасанъ-Гули, чтобы, пользуясь тихими ночными вѣтрами отъ Астрабадскихъ горъ, подойти къ разсвѣту къ аулу, въ разстояніи 30 италіянскихъ миль ($52\frac{1}{2}$ версты); пароходъ Волга, также взявши на буксиръ 1-й дивизионъ, долженъ былъ сняться съ якоря ночью и идти къ тому же мѣсту. Возвратившись на свои суда, командиры тотчасъ вызвали на палубы свои команды и желающимъ предложили отдѣлиться; оказалось, что всѣ до одного матроса перешли на другую сторону и желающихъ остаться на суднѣ не нашлось; надобно было самимъ назначать.

Въ 6-часовъ пополудни обѣ шхуны снялись съ якоря и, буксируя свои дивизионы, стали лавировать изъ залива. Вѣтеръ былъ тихій, восточный, а потомъ перешелъ въ сѣверный и стихъ совершенно, такъ, что шхуны не могли придти къ разсвѣту въ назначенное мѣсто. На разсвѣтъ вѣтеръ опять подулъ тихій противный и шхуны начали лавировать; шхуна Тарантуль опередила свою спутницу, находясь отъ аула Гасанъ-Гули въ 10-ти верстахъ.

На пароходѣ, который уже находился на мѣстѣ, поднять былъ сигналъ свезти десантъ. Передавъ этотъ сигналъ на шхуну Комаръ, нашедшуюся еще въ 10-ти верстахъ далѣе, и давъ командованіе шхуною старше-

му офицеру, командиръ шхуны повелъ на веслахъ свой дивизионъ къ пароходу, куда и подошелъ въ 1 часу пополудни: пароходъ стоялъ на якорѣ въ виду аула Гасанъ-гули, въ 4 верстахъ отъ берега, на глубинѣ 5-ти футь, — ближе подойти было невозможно. Противу аула на самой отмели виднѣлось много Туркменскихъ лодокъ, около которыхъ суетились Туркмены, выбирая изъ нихъ оружіе и разные запасы: это подтвердило донесеніе лазутчиковъ, что Туркмены дѣйствительно собирались въ море не для рыболовства, а на разбой.

Еще до прихода 2-го дивизиона, командующій станціею, находившійся на пароходѣ, послалъ бумагу къ старшинамъ Туркменскимъ, чтобы они немедленно выдали плѣнныхъ, захваченныхъ Туркменами и также выдали бы виновныхъ, которые осмѣливались стрѣлять съ лодокъ по военному бригу Мангышлакъ, который въ Сентябрѣ мѣсяцѣ шелъ изъ Астрахани въ астрабатскій заливъ для присоединенія къ отряду; требовалъ наказать ихъ за оскорбленіе русскаго флага, обѣщая, въ случаѣ покорности, уйти, не дѣлая никакого вреда, а въ противномъ случаѣ грозилъ истребить ихъ лодки.

Туркмены не были расположены исполнить наше требованіе. Въмѣсто отвѣта покорности, они стали устраивать на берегу завалы, и засѣли въ своихъ лодкахъ, чтобы стрѣлять оттуда въ случаѣ нападенія. Когда подошелъ 2-й дивизионъ, уже окончился 3-хъ—часовой

срокъ, данный командующимъ станціею Туркменамъ, для исполненія его требованія.

Приказавъ построить оба дивизиона въ линію баталиі и помѣстившись самъ на барказѣ, командующій астрабатскою станціею, капитанъ-лейтенантъ Свинкинъ, повелъ насъ къ берегу. Не доходя съ версту до берега, лодки наши стали на мель такъ, что мы должны были выйти изъ нихъ въ воду и начали перетаскивать ихъ чрезъ забурунѣ, за которымъ было нѣсколько поглубже; подведя дивизионы на разстояніе ружейнаго выстрѣла къ лодкамъ Туркменъ, разбросаннымъ около берега, и построивъ оба дивизиона въ одну параллельную съ берегомъ линію, командующій станціею послалъ вторично объявить Туркменамъ, чтобы они немедленно исполнили его требованіе; но едва посланный съ этимъ порученіемъ мирный Туркменъ передалъ его, какъ, вмѣсто отвѣта, Туркмены, засѣвшіе въ лодкахъ, сдѣлали по насъ залпъ изъ ружей и ранили одного матроса на барказѣ.

Дольше медлить было невозможно; командующій подалъ знакъ и оба дивизиона открыли дружную пальбу изъ фальконетовъ, чтобы выгнать Туркменъ изъ лодокъ. Выстрѣлы наши были очень удачны, и Туркмены, сдѣлавши нѣсколько залповъ, выскочили изъ лодокъ и бѣжали на берегъ, гдѣ и укрылись за завалами. Дивизионы наши, пользуясь отступленіемъ, подвинулись еще ближе къ лодкамъ, и отъ каждого дивизиона были посланы партіи зажигать ихъ подъ при

крытіемъ артиллеріи. Лодки нашихъ дивизіоновъ были вытаснены совершенно на мель и расположены такимъ образомъ, что выстрѣлы ихъ дѣйствовали въ промежуткѣ между непріятельскими лодками и берегомъ, не допуская Туркменъ выходить изъ заваловъ.

Девять лодокъ было уже зажжено; Туркмены продолжали стрѣлять изъ заваловъ; нѣсколько разъ смѣлаки изъ нихъ съ шашками бросались на наши дивизіоны, но, удерживаемые дружнымъ огнемъ артиллеріи не могли ничего сдѣлать. Ближе къ берегу, почти на сушѣ, находились еще 6 лодокъ; надобно было истребить ихъ, а это было гораздо труднѣе, потому что близъ ихъ находилось много заваловъ; дальше на берегу, куда не достигали наши выстрѣлы, собралось до 2,000 Туркменъ, а потому мы, приподнявъ на плечахъ свои лодки, подтащили ихъ еще ближе къ берегу. Тогда раздѣлили команды обоихъ дивизіоновъ на двѣ партіи, оставивъ на лодкахъ только по четыре человека для дѣйствія пушками; первая партія изъ 30 человекъ назначена была дѣйствовать ружейнымъ огнемъ, а 18 человекъ съ топорами, смольными кранцами и фальшшверами зажигать лодки; партіи отправились. Хотя 4—фунтовые ядра фальконетовъ не могли пробивать заваловъ и выгнать оттуда непріятеля, но удерживали ихъ, не допуская выходить изъ-за нихъ; только смѣлые изъ нихъ выскакивали изъ заваловъ и, выстрѣливъ изъ ружья, поскорѣе при-

тались,—но выстрѣлы эти, худо направленные, не вредили намъ.

Не скоро подались лодки усиліямъ нашихъ матросовъ, но огонь и топоръ взяли свое; лодки загорѣлись и оставить ихъ было невозможно, потому что Туркмены тотчасъ загасили бы огонь и засѣли бы въ нихъ; надобно было ждать, не прекращая дѣйствія артиллеріи; лодки были построены изъ персидской ольхи, не высмолены, и на нихъ еще не возили нефти, которая помогла скоро загорѣться первымъ лодкамъ.

Въ это время подошелъ къ мѣсту сраженія, усиленную греблю, третій дивизіонъ, и такъ какъ 15 лодокъ, противу которыхъ мы дѣйствовали, были зажжены, то ему было приказано идти на лѣвый флангъ, гдѣ находилось еще 11 лодокъ, и зажечь ихъ.

Третій дивизіонъ, открывъ огонь, тотчасъ зажегъ 4 лодки, бывшія на глубинѣ и ближе къ самому берегу на отмели; оставалось еще 7-мъ лодокъ, на которыхъ успѣла укрыться большая партія Туркменъ; ядра туда не доставали, и это ободряло ихъ; они дѣйствовали меткимъ бѣглымъ огнемъ; пули ихъ ложились около, не долетая до лодокъ 3-го дивизіона.

Замѣтивъ, что одного 3-го дивизіона не достаточно для уничтоженія послѣднихъ Туркменскихъ лодокъ, командующій станціею приказалъ лодкамъ 1-го и 2-го дивизіона немедленно слѣдовать на помощь къ 3-му дивизіону, оставивъ барказъ дѣйствовать своими фаль-

конетами, дабы не допустить Туркменъ затушить горящія лодки.

Собравъ своихъ людей, мы тотчасъ приподняли немало лодки на плечи и потащили ихъ къ лодкамъ, гдѣ засѣли Туркмены на такое разстояніе, чтобы дометали ядра. Лодки были тяжелы и Туркмены также не молчали и осыпали насъ градомъ пуль; но настойчивость и мужество чего не сдѣлаютъ! — матросы наши, не смотря на то, что первый разъ еще были въ дѣлѣ, не робѣли и дружно съ уханьемъ тащили на плечахъ лодки. Приблизившись къ непріятельской засадѣ на фальконетный выстрѣлъ, они тотчасъ направили всѣ пушки были на нее; Туркмены не выдержали, выскочили изъ лодокъ и бросились бѣжать. Въ это время мичманъ Гелесемъ съ партіею 20 матросовъ посланъ былъ занять лодки, а вслѣдъ за нимъ другая партія отправлена была зажечь ихъ; Туркмены бѣжали изъ лодокъ за ближайшій пригорокъ; будучи безопасны отъ ядеръ, они продолжали перестрѣлку, но матросы также не оставались въ долгу и, не смотря на неудобство заряжать ружья, стоя въ водѣ, отвѣчали имъ бѣглымъ огнемъ.

Наступили сумерки, когда разгорѣлись послѣднія 6-ть лодокъ; Туркмены, видя невозможность защитить свои суда, пытались спасти ихъ: они ползкомъ достигали до горящихъ лодокъ, стараясь заливать ихъ водою, но за движеніями ихъ слѣдили и, посылая къ смѣль-

чакамъ ядра, заставляли ихъ отказаться отъ своего намѣренія.

Была уже ночь, когда мы возвратились на пароходъ, а оттуда на свои шхуны, которыя во все время сраженія держались подъ парусами, въ виду аула.

Всѣхъ лодокъ сожгли 26, съ нашей стороны былъ только одинъ раненый; хотя Персіане считаютъ Туркменъ хорошими стрѣлками, но на нашей сторонѣ было правое дѣло: «съ нами Богъ и никто же на ны.»

ПРАЗДНЕСТВО ГРЕНАДЕРСКАГО СТРЕЛКОВАГО БАТАЛІОНА.

1853 года 21-го Марта, въ Або происходило совершенно новое для Финляндцевъ празднество. Гренадерскій Стрѣлковый баталіонъ, сформированный и комплектуемый изъ однихъ Финляндцевъ, со времени семилѣтняго своего существованія, въ первый разъ праздновалъ день своего, такъ сказать, рожденія. Праздникъ этотъ будетъ повторяться ежегодно, и называться баталіоннымъ праздникомъ. 21-е Марта (2-е Апрѣля) избрано потому, что въ этотъ день объявлено Высочайшее повелѣніе въ приказѣ Военнаго Министра о сформированіи баталіона. Баталіонъ сформированъ въ 1846 году, подъ именемъ Финскаго Стрѣлковаго баталіона, а въ 1848-мъ году былъ уже на Высочайшемъ смотрѣ,